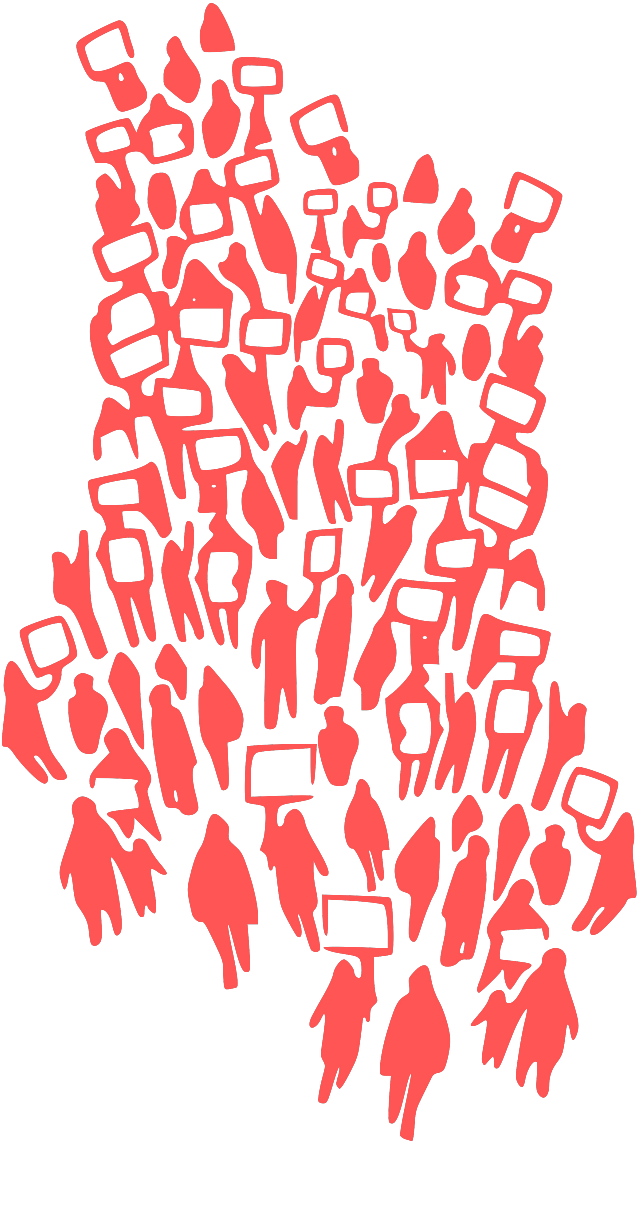

Я ВЫХОЖУ

Критический анализ восстания против диктатуры

От авторов

С начала избирательной кампании 2020, ставшей отправным пунктом восстания беларуского народа против диктатуры, прошел уже год. На протяжении многих месяцев мы сопротивлялись против режима на улицах, во дворах и на рабочих местах. Начиная от креативных форм гражданского неповиновения и заканчивая полноценными столкновениями с силами режима на улицах страны. Где-то мы побеждали, а где-то режиму удавалось быстро реагировать на спонтанную организацию.

Ближе к новому году крупные протесты затихли и лишь небольшие подпольные дворовые акции все еще сотрясали столицу. Мы прошли путь от “мы уже победили” к сегодняшней депрессии, когда кажется, что весны для беларуского народа уже не настанет. Для того чтобы понять, как нам действовать дальше, необходимо постоянно анализировать ситуацию, учиться на ошибках и избегать их в будущем. Этот текст – попытка такого критического обзора. Он предназначен не для агитации новых участников или поддержания боевого духа, а в первую очередь для понимания того, что происходит на улицах здесь и сейчас и куда нам дальше двигаться.

Критика приветствуется!

Децентрализация как ядро беларуского восстания

Мобилизация против диктатуры в 2020 проводилась по всей стране. Объединенные инициативные группы, сформировавшиеся вокруг штаба Светланы Тихановской, провели огромную работу для активизации населения. Большинство беларусов и так знали результаты выборов, однако политическая агитация основывалась в первую очередь на участии в демократическом процессе и попытках защитить свой голос. У анархистов было мало ожиданий на этот счет, и поэтому большинство коллективов призывали к прямому бойкоту выборов, с призывами выходить на улицы 9 августа.

Из-за отсутствия иллюзий по поводу перевыборов[1] местные группы сопротивления формировались еще до августа с повесткой участия в протестах уже после “подсчета” голосов. Мобилизационный потенциал этих групп усиливался либеральными группами, работающими в полулегальном статусе в городах страны.

Сложно сказать, понимала ли Тихановская со своей командой масштаб бури, которая началась еще до президентской кампании: недовольство политикой Лукашенко в борьбе с коронавирусом уже и так мобилизовало значительную часть населения: в разных регионах действовали самоорганизованные группы взаимопомощи.

Политическая кампания Тихановской, как и коронавирус, затронули всю страну. План на день выборов основывался не на огромном протесте в Минске, а на участии в акциях по всей стране. Лукашенковский режим не ожидал такого высокого результата мобилизации по регионам.

1: Выборы в Беларуси порой называются перевыборами, так как являются спектаклем, в котором даже не считают голоса, а публикуют результаты спущенные сверху.

В результате к 9 августа мы подошли с подготовленными группами (в том числе и анархического движения) не только в Минске, но и в других городах и поселках страны. И хотя власти пытались хаотично потушить нарастающий по регионам пожар несколькими точечными задержаниями известных политиков и активистов, в день выборов на улицы по всей стране вышли десятки тысяч человек, требующих падения режима.

Стянутые в Минск силы в этот вечер смогли разогнать протест. Но урон репутации несокрушимых карателей[2] был колоссален. Бегство ОМОНа и других органов наполнило общество силами, которые несли нас вперед еще несколько месяцев. Огромную роль в деморализации режима в первые дни сыграли социальные сети: в них легко можно было найти видео/фото и личные рассказы о столкновениях с режимом, в которых народ вышел победителем, несмотря на попытку отключить интернет. В небольших городках люди праздновали победу над диктатурой после бегства местных карателей.

В какой-то момент децентрализация победила централизованное беларуское государство. И именно децентрализация протестного движения сделала возможным сохранение протеста до ноября.

Но именно в эти первые дни проявляется первая проблема беларуского протеста: отсутствие конкретных целей для уличных протестов. Почти ни у кого не было понимания механизмов, которые приводят к падению авторитарных режимов. Да, существовала надежда, подпитанная либеральными мифами, что если на улицы выйдет достаточно мирных людей, то режим испугается и падет. Но реальность оказалась куда более приземленной.

После ночных стычек с ОМОНом и внутренними войсками, когда

2: С июля многочисленные телеграм каналы и информационный площадки начинают использовать термин "каратели" в отношении сотрудников МВД/КГБ и внутренних войск.

люди разошлись по домам, в стране остались те, кто не спал – это режимные стратеги, активно продолжавшие работать и планировать дальнейшие шаги. Символическая победа в Пинске или Бресте не смогла отвоевать пространства для дальнейшего развития протеста: не были захвачены или освобождены площади, или здания.. И хотя во время столкновений пострадали несколько десятков карателей, серьезного урона диктаторской инфраструктуре не было нанесено. Можно еще долго обсуждать, стоило ли захватывать административные здания или брать главпочтамт, но по факту люди этого не сделали.

Символическая победа первых дней сильно ударила по боевому духу карательных органов. Еще вчера они чувствовали полную безнаказанность в своих действиях, и большинство из них никогда не испытывало на своей шкуре народный гнев. Благодаря этой деморализации началось бегство из МВД и КГБ. Часть из чекистов и ментов попыталась присоединиться к протестным структурам, а часть затаилась в ожидании проигрыша диктатора.

Именно страх перед народной расправой, а не высокие моральные ценности вынудили большинство карателей бежать.

В Минске децентрализация перешла в дворовые инициативы. Где-то местные сообщества проводили совместные праздники для детей и хеппенинги. В других местах группы занимались стремительной политизацией. К примеру, в Уручье местные дворовые инициативы объединились и даже приняли политическую программу. Такого же рода политические декларации и формирование политических групп проводились в других частях столицы. И хотя дворовые инициативы занимались больше культурной работой или субботниками, все же движение в первый раз за длительную историю региона вернуло политическую организацию на базовый общественный уровень.

Отсутствие политических партий и явных лидеров, объединяющих вокруг себя активистов, предотвратило подавление протестов. Продолжительное время государственный аппарат не

мог понять, каким образом адаптироваться к децентрализованному формату проведения акций в Минске. Многочисленные лекции, митинги, открытые политические собрания проводились без угрозы репрессий. Такой уровень политической свободы для большинства беларусов был просто незнаком.

К сожалению, движение дворовых инициатив получило распространение только в столице. В Бресте, Гродно и нескольких других протестных городах предпринимались попытки организовывать местные группы, но волна дворового активизма достигла эти регионы лишь к моменту, когда органы научились успешно справляться с местным движением, а количество протестующих продолжало падать.

Спустя недели интенсивных уличных маршей и децентрализованных акций, в очередной раз режим адаптировался к происходящему и последовательно зачищал район за районом от дворовой активности.

И хотя многочисленные группы в телеграме продолжают существовать, большинство дворовых инициатив сейчас находятся в режиме выживания и редко проводят хоть какого-то рода акции. Значительный спад в активности дворов привел и к тому, что режиму стало намного проще контролировать происходящее на районах и реагировать на небольшие марши или мероприятия на открытом воздухе.

Работа с дворовыми инициативами принесла и много вызовов для движения против Лукашенко. Во многих организованных дворовых группах появились люди, поставившие сами себя на роль лидеров. Эти же люди активно занимались проталкиванием определенной повестки внутри своих сетей. Это значило, что в некоторых чатах удаляли любые сообщения с призывами к акциям прямого действия, в то время как в других чатах удаляли любые попытки призвать к мирным протестам. Такого рода разделение происходило в целом во всем демократическом движении, но присутствие модераторов, которые де-факто

становились главными на том или ином районе, часто воспроизводило динамику небольших диктатур, где люди были вынуждены бороться не только с Лукашенко, но и с некоторыми местными активистами, обладающими большей властью внутри дворовых инициатив из-за технических знаний.

Анархический флаг во время демонстрации в Минске

Такое отношение вполне вписывается в целом в беларуское общество, которое на протяжении многих поколений находится в руках той или иной диктатуры. Авторитарная динамика беларуского государства проявляется в обществе во многих моментах, начиная от образования и заканчивая рабочим местом. Логично, что такие же проблемы с небольшими главарями начали возникать и внутри дворовых инициатив.

Дискуссии вокруг децентрализации и дворовых инициатив привели к увеличению влияния идей децентрализованной организации общества: начиная со швейцарского либерального федерализма и заканчивая анархическими идеями, которые получили новое значение для некоторых участников демократического движения. В какой-то момент децентрализованная повестка стала играть настолько важную роль, что даже либеральные политические партии и группы начали пытаться ее продвигать в различных форматах – начиная от использования фиктивных институтов самоуправления внутри диктатуры, и заканчивая лекциями о швейцарских кантонах и возможностях гражданского контроля государственного аппарата.

С репрессиями и необходимостью политического выживания разговоры о форматах децентрализованной организации отошли на второй план, но мы надеемся, что в случае новых попыток свержения Лукашенко, данная политическая повестка вернется. В конце концов беларуское общество видело пример России, которая в 90-х пыталась уйти от советского наследия в дикий капитализм и вернулась к новой диктатуре Путина. Украинцы были вынуждены повторно восстать в 2014 после мирного майдана 2004 для очередного раунда борьбы против авторитаризма в регионе. Мы верим, что ростки децентрализации переживут не только эту волну репрессий, но и сам режим.

Репрессии против всех

Но победа над карателями стоила очень дорого: более 6000 задержанных за 3 дня; пытки и изнасилования в застенках изоляторов и тюрем; как минимум несколько убитых. Днем крупные города были наполнены хаотичными попытками режима схватить хоть кого-то. Поэтому огромная часть задержанных – это случайные прохожие, которых хватали средь белого дня. Государственное насилие проникло во все слои общества – его жертвами становились все, начиная от простых работяг и заканчивая сторонниками режима, семьи которых выдергивали с улиц вопреки лояльности режиму.

В такой атмосфере многие встретили позитивно ненасильственные марши, которые всего за несколько дней смогли разрастись по всей стране и создать иллюзию безопасности протеста. Начало мирных протестов совпало с решением беларуского режима временно отступиться от политики тотальных репрессий. Воскресные марши стали главной организационной точкой так называемых мирных протестов.

Репрессии в отношении крупных демонстраций в Минске и нескольких других городах проводились мягко – задерживали обычно около сотни человек. Учитывая, что на демонстрацию выходили 100+ тысяч, такие задержания казались мизерными, а некоторые телеграм-каналы даже высчитывали шансы быть задержанным на демонстрации в зависимости от прошлых цифр задержанных.

Но пока Минск продолжал праздновать относительное спокойствие и чувство, что режим вот-вот падет, в регионах репрессии проводились куда активнее. Уже в августе были задержаны десятки человек по различным уголовным делам. Давление на организаторов местных акций увеличивалось, а разгоны проводились куда более эффективно.

Уже спустя пару недель многие отмечали, что ситуация становится хуже, так как движение в регионах постепенно подавляется. В тех самых регионах, которые изначально стали основой для беларуского восстания.

Стратегия Лукашенко тут была относительно проста – репрессировали сначала небольшие города, потом областные центры, а когда все утихло и там, то начали планировать полноценную и окончательную зачистку Минска.

Пошаговые репрессии позволили режиму восстановить свою власть. Большинство крупных СМИ и блогеров находились в столице, поэтому организационные проблемы и необходимость солидарности с регионами редко попадала в повестку большинства протестных групп.

Для анархистов ситуация с репрессиями в регионах стала очевидной уже на вторую неделю, когда активистов в различных городах начали искать по уголовным делам. Часть решила уехать еще в августе. Постепенно ситуация для большинства местных активистов становилась настолько сложной, что выезжать за границу начали целыми группами параллельно с массовым оттоком демократических активистов.

Насилие продолжалось даже вопреки чувству победы, витавшему в Минске. Избиения и пытки происходили систематически. И хоть их объемы нельзя сравнивать с первыми днями после выборов, режим продолжал "ломать" активистов в тюрьмах. Физическое и психологическое давление вынудило многих участников движения покинуть страну.

Вторая волна коронавируса, начавшаяся осенью 2020 года, нанесла дополнительный удар по восстанию. Режим использовал вирус как один из инструментов политических репрессий. Здоровых задержанных помещали в камеры с больными коронавирусом. Во время задержания человека могли несколько раз переводить из камеры в камеру, увеличивая распространение вируса по всей

тюрьме. Почти все анархисты, задержанные осенью 2020, переболели коронавирусом в заключении либо вышли на свободу больными и еще несколько недель лечились.

Получить какое-либо лечение во время ареста было невозможно. Нам известно всего несколько случаев из 30000+, в которых люди добились теста на коронавирус. Один из этих случаев касается анархиста. Тест подтвердил наличие коронавируса, но тюремная администрация решила не выпускать нашего товарища на лечение вопреки медицинским требованиям. Вместо этого его посадили в одиночную холодную камеру до конца срока.

От осложнений от коронавируса, полученного в заключении, скончался как минимум один участник движения из либерального лагеря.

Тут стоит отметить, что условия содержания в беларуских изоляторах и тюрьмах сами по себе можно расценивать как пытки. Количество заключенных в камерах превышало количество спальных мест в два-три раза. Многие были вынуждены спать на деревянном или каменном полу. Яркий свет в камере не выключался даже ночью. Прописанные в правилах содержания ежедневные прогулки на открытом воздухе продолжительностью 1 час выполнялись не чаще 1-2 раз в неделю, а продолжительность была сокращена до 10-15 минут. Одеяла очень часто не выдавались, а позже перестали выдавать матрасы. Заключенных систематически избивали и избивают по сей день.

Отношение к политическим заключенным по уголовным статьям длительное время было чуть лучше, но в последние месяцы продолжает ухудшаться. Заключенных избивают как до суда, так и после. Смерть Витольда Ашурка стала результатом пыточных условий содержания, с которыми сталкиваются политические заключенные.

Сегодня режим пытается выдавить остатки дворовых активистов и уничтожить политическую жизнь в стране. Для этого использу-

ются коллективные наказания: за акции на одном из районов могут задерживать людей, не участовавших в протесте, но оказавшихся в списках активистов и по мнению режима заслуживающих наказания за действия других. В такой ситуации при организации акций существует угроза задержания случайных людей, а режим пытается возложить ответственность за репрессии на самих активистов. Такая тактика использовалась против анархистов в 2014-2016 годах, когда некоторые группы проводили спонтанные акции, а репрессировали просто известных активистов.

Деэскалация и последующая эскалация конфликта

В первые дни протеста режим выбрал стратегию полного подавления. Расчет лукашенковских стратегов был на то, что большинство людей поедет в столицу и там получится завершить все в один или два дня. Спустя несколько дней стратегия массовых репрессий показала малую эффективность и лишь увеличила уровень конфронтации в обществе, мобилизовав, в том числе, и коллективы рабочих различных фабрик. В такой ситуации лукашенковские стратеги смогли относительно быстро сменить направление и уже к выходным отбросили попытки скорейшего подавления протеста. Вместо этого в Минске режим пошел на относительную деэскалацию. В сети перестали появляться новости о массовых брутальных задержаниях. Протестующие хоть и были возмущены поведением карателей в первую неделю после выборов, но призывы к миру заглушили попытки разобраться с диктатурой раз и навсегда.

Мирные протесты вывели на улицы куда больше людей и для либеральной части восстания революция уже свершилась – согласно либеральной концепции политического участия в жизни страны, такое огромное количество участников протеста не могло не привести к радикальным преобразованиям. Об этом говорили как крупные телеграм-каналы, так и блогеры. В этот период невероятной популярности достиг российский блогер Максим Кац, считавший, что беларуское общество уже победило, а Лукашенко — политический труп после пролитой крови. Кац и другие либеральные политики допустили ошибку, пытаясь применить демократический политический анализ в отношении восточноевропейской диктатуры. Политическая непригодность Лукашенко для управления обществом была доказана неоднократно на протяжении всех его президентских сроков. Это не мешает ему оставаться у власти и продолжать создавать образ диктатора для людей.

И хотя временная деэскалация позволила собраться с силами и создать широкую самоорганизованную структуру в Минске и некоторых других городах, в долгосрочной перспективе деэскалация сыграла больше на руку Лукашенко и его банде, которые шаг за шагом зачищали регионы, в то время как СМИ и активисты в основном обращали внимание на происходящее в Минске.

Участники демонстрации против режима Лукашенко в Минске

Лукашисты “отработали” период деэскалации на ура: пошагово и аккуратно репрессировали не только либеральных активистов, но и организованных рабочих, пытавшихся нарастить протестные настроения на заводах. Относительная изоляция рабочих от остального протестного сообщества позволила быстро разобраться с протестующими заводчанами.

Резкая повторная эскалация конфликта в Минске уже не вызвала аналогичной реакции. К моменту эскалации многие активисты уже сидели по уголовным статьям или находились в изгнании. Попытки зажечь протесты вновь закончились провалом – последней такой

попыткой можно назвать защиту мемориала Роману Бондаренко, завершившейся полной зачисткой. Тогда значительное количество протестующих решило уйти с площади для избежания репрессий и на месте было задержано несколько сотен человек.

После неоднократных поражений готовность выходить на улицы упала. Несколько выходных с децентрализованными маршами лишь усложнили работу ментов по репрессиям, но не смогли никаким образом восстановить протестный потенциал в столице или регионах. И хотя движение во многом сошло на нет к концу 2020 года, высокий уровень репрессий продолжается и по сегодняшний день.

Как активисты мы не сумели использовать временную деэскалацию для наращивания собственных сил. Опасения репрессий и осуждение со стороны не только лукашистов, но и остальных протестующих, во многом остановили наши попытки дальнейшей эскалации, которая могла бы уничтожить Лукашенко и его режим. Вместо этого мы последовали мирному нарративу протеста и к моменту нового витка эскалации были сильно деморализованы и истощены точечными репрессиями против отдельных активистов.

Неготовность большинства к активному сопротивлению не должна определять наши собственные действия. Организованные группы от 10+ человек могут эффективно действовать внутри мирных демонстраций со своей собственной целью и стратегией. Мы смогли выступить организованной группой с собственной повесткой внутри маршей, но провалились в том, чтобы эту повестку воплотить в действие.

Забастовки и протесты рабочих коллективов

Уже в первую неделю по стране прокатилась волна забастовок. Рабочие, возмущенные репрессиями против коллег и ментовским беспределом, требовали от режима остановить насилие и освободить всех задержанных и арестованных за протесты. Освистывание Лукашенко на митинге на МЗКТ нанесло огромный урон имиджу “народного” правителя.

К сожалению, протесты рабочих коллективов относительно быстро сошли на нет, за исключением нескольких предприятий. Лишь часть требований была удовлетворена, но относительно быстро против наиболее активных участников забастовок начались репрессии. Кого-то увольняли, на кого-то заводили уголовные дела.

К моменту начала забастовок рабочее движение страны находилось в крайне плачевном состоянии. Существовало всего несколько независимых либеральных профсоюзов, объединявших незначительную часть трудящихся. Большинство рабочих не обладали никаким опытом коллективной организации. Построение рабочих структур во время активной фазы конфликта – огромный вызов. Попытки либеральных НГО “помочь” организации трудящихся на некоторых предприятиях особых результатов не принесли – у самих НГО опыта организации протестного движения рабочих не было, и были только методички из либеральных стран со своими собственными правилами организации забастовок. Иллюзия законности забастовок и протестов перенесла часть борьбы с улиц и заводов в суды, в которых независимые профсоюзы пытались безуспешно отстоять право на организации на рабочем месте.

Попытки “додавить” диктатуру в первые недели мирного протеста приводили к многочисленным сменам вектора протеста. Дни агитации за забастовку быстро сменялись призывами к экономи-

ческому бойкоту режима, а уже через неделю – стратегией по блокировке дорог. Понятно, что протестное движение искало новые формы организации и давления на режим, но отсутствие последовательной работы сильно подрывало мораль, в том числе и рабочего движения. Пикеты солидарности у заводов продлились несколько дней – до первого прибытия организованных групп ОМОНа. Достаточно было угроз репрессий, чтобы разрушить мост между рабочими и остальной частью протестующих.

Помимо этого наиболее привилегированная часть рабочего класса Беларуси – работники сферы информационных технологий - отказались от участия в забастовочном движении. Многие айтишники аргументировали такой подход необходимостью финансирования протестного движения. И действительно часть людей активно финансировало различные структуры солидарности. Были и позиции, что в случае забастовок урон будет нанесен не только Лукашенко, но и частным фирмам, что в свою очередь нанесет урон имиджу айти-сектора страны.

Принимая в расчет все эти аргументы, организованное забастовочное движение работников айти принесло бы больше пользы, чем деньги, которые эти самые айтишники закидывали в пользу протеста. В первую очередь крупное забастовочное движение любой индустрии способствовало бы распространению забастовки на другие секторы. При этом угрозы для потери работы для айтишников куда менее экзистенциальны, нежели для заводчан, многие из которых живут от зарплаты до зарплаты. Любой так называемый урон для имиджа айти-страны быстро был бы восстановлен в случае свержения режима, учитывая, что сами айтишники протестовали не за лучшие условия труда, а за общие демократические процессы. Сюда же стоить добавить относительную безопасность организации на рабочем месте – за время протестов было всего несколько случаев репрессий в отношении айти-работников из частных фирм. При этом эти самые рабочие могли использовать для организационных встреч часть инфраструктур компаний, доступной им для личного времяпрепровождения.

В целом айти-сектор не показал почти никакой политической силы. Да, работники сферы информационных технологий участвовали в протестах независимо от рабочих коллективов. Но пол-

Рабочие собрались на одном из предприятий для обсуждения возможной забастовки

ноценной организации айтишники показать не смогли, вопреки навыкам взаимодействия в коллективах.

Небольшие частные фирмы в некоторых случаях проводили однодневные символические забастовки в поддержку бастующих предприятий, но такого рода акции не несли массового характера, а агитация проводилась всего за несколько дней до протеста и во многих случаях заглушалась общим информационным шумом.

На момент публикации этого текста несколько сотен рабочих по всей стране продолжают забастовку, но на этом этапе можно сказать, что забастовочное движение в Беларуси провалилось так и не приобретя массового организованного характера. Сегодняшняя ситуация – результат успешной стратегии режима по уничтожению независимых рабочих организаций и профсоюзов, начатый еще в 90-х. Отношение беларуского государства к рабочему движению аналогично советскому. Роль государственной Федерации профсоюзов Беларуси – уничтожение любой инициативы рабочих. Но помимо этого ФПБ важен и для создания образа абсолютной бесполезности профсоюза, собирающего часть зарплаты и сгоняющего на государственные праздники.

Отсутствие интереса у либеральной оппозиции к рабочему движению лишь отдаляет среднего трудящегося от идей уничтожения диктатуры и стремлений к свободе. В свою очередь анархисты неспособны на данном этапе хоть как-то повлиять на рабочих из-за своей малочисленности, относительно малых организационных ресурсов и специфической политической повестки, в которой рабочие не играют почти никакой роли.

При этом рабочие Беларуси в 2020-м смогли впервые за последние 20 лет показать политическую волю и хоть всего на несколько дней, но выразить свой протест против государственного насилия и диктатуры. Относительно быстрое угаса-

ние протестной повестки внутри рабочих коллективов произошло в первую очередь из-за серьезных репрессий режима. Более сильная солидарность или серьезные структуры не смогли быть сформированы в первую очередь из-за давления со стороны государства как на рабочих, так и на остальную часть протестного движения.

Старая и новая оппозиция

Для начала стоит определить, что такое "старая" оппозиция. Под этим термином подразумеваются оппозиционные либеральные и право-либеральные группы. Сюда мы будем включать зарегтистрированные политические партии, политические организации и отдельных политиков, которые были активны на протяжении многих лет. Традиционные примеры старой оппозиции – ОГП, БНФ, БХД, Европейская Беларусь. Из политиков к старой, но активной оппозиции можно отнести Статкевича, Северинца, Вечорку и даже Позняка. Старая оппозиция не является однородной группой, поэтому в тексте часто разговор будет идти об отдельных политиках или организациях.

Под новой оппозицией подразумеваются политические организации, группы и политики, которые начали появляться в общественном поле последние несколько лет. В том числе и люди, которые до выборов в оппозиционной деятельности не были активны. Самые яркие примеры таких политиков – Тихановская/Тихановский или Бабарико. Политики и организации новой оппозиции отличаются друг от друга политическими взглядами и методами, применимыми для борьбы с диктатурой.

За годы правления Лукашенко удалось справиться с организованной оппозицией в основном репрессиями. В период с 2010 по 2020 год большинство либеральных и националистических партий были разгромлены. Молодежные уличные организации перестают существовать. И хотя Лукашенко с 2015-го начинает плотно работать с ЕС по различным экономическим и политическим процессам, такое взаимодействие не помогает возрождению либеральных политических сил в стране. По большей части на репрессии гражданского общества Европейский союз и США закрывают глаза до 2020 года. Зачистки движения против закона о тунеядстве в 2017 году вызвали классическую озабоченность ЕС нарушениями гражданских прав в Беларуси. Каких-либо активных действий со стороны западных политиков тогда не было предпринято.

В такой атмосфере лишь несколько политиков старой оппозиции продолжали систематически оказывать политическое давление. В первую очередь речь идет о Статкевиче и Северинце, которые в 2017-м активизировали движение против закона о тунеядстве. О политических взглядах обоих написано уже достаточно. За исключением этих политиков, большинство карьерных оппозиционных лидеров отодвинулось на задний план. Часть из старой оппозиции после Майдана решила, что лучше иметь Лукашенко и хоть какую-то независимость, нежели пытаться восстать и рискнуть возможным вторжением Путина в Беларусь. Призывы Позняка не участвовать в протестах 9 августа являются одним из таких примеров, когда страх потерять независимость сильнее угроз диктатуры.

Старая оппозиция за исключением некоторых политиков во многом у людей не вызывает никаких эмоций. Это люди, которые на протяжении многих лет борются с Лукашенко, но очень редко готовы пойти на какие-то риски, за исключением нескольких человек. Связи либеральной и националистической оппозиции с различными организациями на Западе нередко вызывают негативную реакцию внутри беларуского общества. Зависимость от западных грантов уже

Цепкало, Тихановская и Колесникова

давно создала легенду о том, что беларуской оппозиции выгоден Лукашенко, так как она существует в эквилибриуме с диктатурой. Говорить о том, что все политики и организации старой оппозиции действительно не против существования диктатуры, ошибочно. Как минимум потому, что до сих пор существуют такие политики, как Статкевич. Но и отрицать комфортное положение многих политиков либеральной оппозиции в условиях диктатуры было бы глупо. Истина как всегда где-то посередине. Есть такие люди, как Ольга Карач, которые профессионально живут за счет грантов и едва ли заинтересованы в радикальных политических преобразования в стране, так как они могут изменить денежные потоки. А есть такие активисты, как Винярский, которые готовы участвовать в протестах против диктатуры, даже если это будет стоить им свободы.

К предвыборной кампании 2020 года старая оппозиция подошла крайне ослабленной. Политическое сотрудничество между ЕС и Лукашенко очень сильно подорвало расстановку сил внутри страны. Либеральные и неолиберальные экономические реформы во многом соответствовали экономическим требованиям некоторых либерально-консервативных партий, но сами реформы больше свобод обществу не принесли. Статкевич, обладающий наибольшим политическим весом внутри активной оппозиции, к выборам допущен не был, хоть и принял участие в первые недели предвыборной кампании в рядах уже новых оппозиционеров.

Ослабление старой оппозиции создало политический вакуум в стране. Когда этот вакуум начнут занимать другие организации и группы, было лишь вопросом времени. Выборы-2020 стали площадкой для мобилизации новых сил.

Блогер Тихановский, работавший на протяжении нескольких лет с беларускими регионами, стал одной из политических фигур новой оппозиции. У Тихановского хоть и были связи со старой оппозицией, но в целом на фоне старых политиков, он смотрелся относительно свежо. Формат его медиапроекта дал голос многим беларусам, на которых старая оппозиция не обращала особого внимания — это трудящиеся из регионов, которые чувствуют на

себе тяжесть диктатуры каждый день. Неудивительно, что Тихановский получил большую поддержку среди простого населения. Борьба Лукашенко с блогером во многом создала ему дополнительную репутацию стойкого либерального политика, готового на сопротивлении диктатуре.

Арест Тихановского, Статкевича и многих других политиков, освободил место для нового «умеренного» политика, выходца из беларуской элиты — Бабарико. Банкир, которому не надо грабить беларуский народ, потому что он сам достаточно заработал за свою карьеру, стал новым символом протестов в Беларуси. Вокруг штаба Бабарико объединились многочисленные беларусы, рвущиеся в средний класс и тот самый средний класс страны. Бабарико — это пример успешного капитализма, который на протяжении многих лет как бы своим усердным трудом заработал свое состояние. Такая легенда импонирует многим, кто все еще вынужден жить в беларуской нафталиновой стабильности.

Бабарико во многом является примером лукашенковской элиты, которая существует вопреки так называемому социальному государству. Миллионы, заработанные Бабарико — это не результат тяжелого труда. Скорее банковских махинаций и готовности обслуживать диктатуру. Но компромиссы, на которые пошел Бабарико для создания своего состояния, не особо интересовали многих беларусов. Именно поэтому после Тихановского Бабарико стал новым политическим лидером предвыборной кампании. В его штаб потянулись сотни молодых людей, поверивших в светлое будущее под руководством банкира. Лишь немногих смущал тот факт, что Бабарико был начальником Белгазпромбанка, непосредственно связанного с тем самым путинским Газпромом. Многие аналитики считали, что Бабарико — это идеальный пророссийский кандидат на замену Лукашенко.

Довольно высокая поддержка Бабарико вынудила Лукашенко к новой волне репрессий и задержанию почти всех оставшихся оппозиционных кандидатов. На тот момент диктатор слабо понимал, что Тихановская может представлять из себя какую-либо

угрозу. Однако вокруг Тихановской объединились штабы всех задержанных политиков, а она стала тем самым единым кандидатом, которого не смогли создать политики из старой оппозиции на протяжении многих избирательных циклов.

Предрассудки в отношении женщин со стороны диктатора и его окружения создали достаточно политических свобод, чтобы к 9 августа мобилизовать не только Минск, но и многие регионы. Именно сексизм Лукашенко позволил Тихановской получить регистрацию в кандидаты в президенты.

Штаб Тихановской хоть и пытался создать какую-то продвинутую политическую повестку, но все сводилось к освобождению задержанных политиков и новым выборам без Лукашенко. Такой простой политический посыл получил широкое распространение среди простого населения. 9 августа предлагалось выбирать не нового президента, а высказаться на своеобразном референдуме, где голос за Лукашенко означал продолжение диктатуры, а голос за Тихановскую — окончание эпохи усатого диктатора.

Новые оппозиционные силы, в том числе крупные блогеры и телеграм-каналы смогли объединиться вокруг Тихановской и создать мощную информационную повестку в социальных сетях. На улицах многочисленные зарегистрированные встречи с кандидатом в президенты проводились без самой кандидатки и представляли из себя политические митинги.

Именно благодаря концентрации на регионах удалось мобилизовать такое огромное количество людей. Политическая жизнь в стране стала не только достоянием столицы, но и многих небольших городков, в которых усталость от Лукашенко могла достигать куда большего уровня, чем в относительно преуспевающем Минске.

Новые лица в предвыборной кампании, относительно простой посыл и готовность к работе на местах стали залогом электорального успеха новой либеральной оппозиции. Проблемы и пробуксовки начались уже после выборов, когда сформировалась иллю-

зия, что Лукашенко сдается. С выездом Тихановской из РБ, оставшиеся в стране либеральные политики были вынуждены искать новых так называемых лидеров.

Анализ либеральных политологов о том, что режим вот-вот падет, был воспринят на ура. Оставалось только воспользоваться ситуацией и начать наращиваться политические очки для следующего выборного цикла. К сожалению, как уже говорилось, анализ был неверным. Попытки создания новых политических партий и политических организаций, которые должны были перехватить повестку, лишь ввел в замешательство участников уличных протестов. И хотя новостные каналы воспринимали создание координационного совета на ура, многие продолжали недоумевать о роли этого самого КС. Попытки стать новым авангардом были восприняты довольно скептически. Объявление о создании политической партии Марией Колесниковой спровоцировало еще больше недовольства амбициями некоторых политиков новой оппозиции.

Помимо всего этого протесты 9-11 августа поставили многих режимных политиков и пропагандистов перед выбором — оставаться на тонущей лодке и потенциально попасть под репрессии нового политического строя, либо переобуться и примкнуть к оппозиции. Одним из таких политических деятелей стал бывший лукашенковский дипломат Латушко, возглавлявший к началу протестов купаловский театр. Латушко вошел в основной состав КС и очевидно метил на серьезную политическую карьеру в свободной Беларуси.

Кроме политиков с галеры начали бежать и каратели, которые в какой-то момент создали собственную организацию под названием bypol, с длинным списком целей. Недавно один из бывших руководителей политической полиции, а теперь один из представителей bypol заявил, что участников организации также ожидают высокие позиции в новом беларуском правительстве. Как bypol, так и Латушко сейчас занимаются развитием программы реформы МВД РБ, с довольно скромной программой чистки текущего карательного аппарата.

Чем больше проходило времени с президентских выборов, тем больше новая беларуская оппозиция напоминала старую. Это и постоянные расколы, и попытки разделения зон влияния и новые политические организации, которые создаются в том числе и для распила денег. Искренность такого рода политиков и организаций во многом ставится под вопрос именно уличными активистами. Хотя Тихановская до сих пор остается объединяющим фактором для многих (вокруг нее сейчас объединились и многие представители старой оппозиции), уровень влияния на процессы внутри новой оппозиции у нее продолжает только падать.

Новые либеральные группы и организации сделали множество тех же ошибок, что и политики до них. Глубокая вера в поддержку со стороны Запада лишь еще сильнее подорвала легитимность либералов внутри страны. Сегодня многие отлично понимают, что изменения могут прийти только изнутри, а не снаружи, неважно какие санкции кто обещает. Лукашенко может свергнуть только беларуский народ, а не санкции Запада.

Но важную роль в уничтожении политического влияния новой оппозиции сыграл и режим. При поддержке России в сети постоянно распространяются сплетни и вырванные из контекста факты для дискредитации некоторых политиков. Отсутствие прозрачности со стороны либералов создает благоприятную среду для распространения слухов и черного пиара. Помимо этого режим активно занимался поддержкой политиков от оппозиции, занимавшихся подрывом авторитета либеральных лидеров. Такую роль сыграли Ольга Карач или Игорь Макар, получившие широкую известность в первую очередь из-за активной ретрансляции их идей различными фабриками троллей из России и Беларуси.

Сегодня либеральная оппозиция крайне слаба. И хотя на каналы Тихановской и других оппозиционных политиков и блогеров подписаны сотни тысяч человек, мобилизационный потенциал находится на крайне низком уровне. Призывы выходить на улицы в конце зимы и весной не смогли мобилизовать людей даже для небольших уличных протестов.

Анархисты и протесты

К началу избирательной кампании анархическое движение подошло относительно расслабленно. Попытки создания общей платформы и мобилизации различных групп провалились еще в мае: некоторые анархисты считали, что новые выборы едва ли смогут спровоцировать возможность для свержения диктатуры. Другие не хотели принимать участие в совместной работе из-за ограниченного времени, проблем с коронавирусом и других личных вопросов. В целом большая часть анархического движения слабо представляла, что может произойти в августе.

И хотя общих договоренностей достичь не получилось, часть анархистов начали принимать участие в политических процессах вокруг выборов. В социальных сетях этим активно занимался коллектив Прамень и блогер Николай Дедок. Первые в июле призвали к бойкоту электорального спектакля и протестной мобилизации 9 августа. Дедок, в свою очередь, на протяжении всей избирательной кампании активно освещал ситуацию вокруг протестов и политики кандидатов.

Некоторые аффинити-группы занимались работой на улицах: в Минске и других городах расклеивались листовки и стикеры с призывами к бойкоту.

Отдельного внимания заслуживает группа в Барановичах, которая активно участвовала в организации городских митингов. Коллектив предоставил оборудование и смог добиться открытого микрофона для всех участников протеста. Один из публичных анархистов города активно выступал на митингах с анархической повесткой и агитировал людей выступать не только против Лукашенко, но и в целом авторитаризма.

До выборов информационные площадки анархистов были малозаметны, за исключением блогерской активности анархиста Николая Дедка. После выборов ситуация сильно поменялась. За счет присутствия анархистов на улицах страны, многие беларусы ак-

тивно заинтересовались анархическими идеями. Небольшая медиагруппа смогла обогнать многие крупные площадки по определению информационной повестки в сети и на улице. Но вопреки медийному росту анархисты не смогли воспользоваться своим влиянием для определения формата дальнейших действий - мы были исключены из либеральных групп по планированию воскресных акций, вопреки многочисленным попыткам попасть в этот закрытый клуб. При этом большинство анархистов отлично понимали, что если мы будем делать призывы к акциям отдельно, то репрессии будут куда более серьезные, чем в отношении мирных демонстраций по выходным.

После выборов анархисты смогли организовать серьезное сопротивление не только в Минске, но и некоторых городах страны. Организованные аффинити-группы принимали участие как в столкновениях с ОМОНом и внутренними войсками, так и в возведении баррикад в разных частях Минска. Однако с изменением тактик протеста и увеличением количества участников анархисты были вытолкнуты в массовку мирного протеста.

В первые дни после столкновений и в первые воскресные марши часть активистов анархического движения больше опасалась негативной реакции со стороны протестующих, нежели репрессий. Видео и фото так называемых «провокаторов», которых вычисляли организованные группы мирных протестующих, отвадили наиболее активных участников протеста первых дней от участия в последующих демонстрациях.

Для того, чтобы преодолеть опасения возможных конфликтов внутри протестов понадобилось несколько недель, которые можно считать упущенными для революционной анархической повестки. Некоторые аффинити-группы проводили агитационные рейды по воскресеньям, а в будни участвовали в небольших акциях. По мере нарастания репрессий анархисты стали вновь желанными гостями на всех акциях, законодателями моды в культуре безопасности. Но к этому моменту репрессии уже успели ударить по многим активистам.

В целом за время протестов анархическое движение не смогло полностью консолидироваться. На протяжении многих месяцев отдельные группы анархистов продолжали участвовать в протестах, но так называемый черный блок никогда не мог собрать больше 30 человек. Причин для этого было довольно много:

Анархисты на одном из воскресных маршей.

* Коллективные репрессии против анархического движения в 2017 году оказали влияние на готовность участвовать в либеральных демонстрациях большим блоком. Напомним, что во время протестов против закона о тунеядстве было задержано около 50 анархистов только в Минске. Некоторые товарищи не смогли до конца перешагнуть через репрессии того времени.

* Отсутствие длительного активистского сотрудничества — часть аффинити-групп никогда не работали вместе. Некоторые аффинити-группы были сформированы из людей, ранее не участвовавших в совместных акциях. Такого рода спонтанные организации подходят для короткого периода, но удержаться вместе на длительный срок крайне сложно из-за постоянного внешнего давления. Многие анархисты, участвовавшие в протестах 9-11 августа не состоят в организованных коллективах и едва ли работают в рамках какой-то общей координационной стратегии.

* Непосредственные репрессии на самих маршах. Многие не хотели попадать на сутки или получать уголовные статьи во время мирных маршей. Стратегия ГУБОПиКа и КГБ для многих была непонятна, так как репрессии в отношении активистов проводились с задержкой в несколько недель.

* Анархическое движение было сильно разрозненно из-за многих неразрешенных конфликтов. Это также повлияло на возможное сотрудничество между некоторыми коллективами.

* Традиционно анархическая панк-субкультура во многом воздержалась от участия в протестах опять же из-за относительно высокого уровня репрессий в отношении анархистов.

* Многие старые активисты анархического движения воздержались от участия в совместных колоннах или блоках без объяснения причин. Довольно большое количество этих людей принимали участие в мирных протестах на индивидуальной основе, либо с несколькими друзьями.

Это лишь немногие факторы, которые повлияли на низкую мобилизацию в анархический блок.

Футбольные фанаты с антирасистскими взглядами отказались от сотрудничества с анархистами из-за высокой вероятности репрессий со стороны ГУБОПиКа и КГБ в отношении анархистов. В результате антифашисты принимали участие в протестах также отдельно и небольшими группами.

В среде анархистов появилась и своя группа партизан, состоявших из опытных активистов. Олиневич и Дубовский нелегально перебрались через границу Беларуси и Украины, встретились с Романовым и Резановичем и на протяжении нескольких недель продолжали активную борьбу против режима, совершив несколько поджогов. И хотя группа была арестована при попытке отхода в Украину, сам факт ее существования стал важным для поддержания образа решительного анархиста. Даже для многих

либералов анархические партизаны показали важный пример организованного сопротивления.

Репрессии против анархистов начались еще до выборов. Многие известные анархисты были вынуждены перейти на подпольный образ жизни. К примеру, анархист Николай Дедок скрывался с июля по ноябрь (арестован в результате спецоперации ГУБОПиКа).

Стоит еще отметить, что возвращение к нормальности в анархическом движении произошло относительно быстро. Спустя неделю после выборов обратно к работе и повседневной жизни вернулись более 40% участников движения. Вовлеченность в политическую организацию значительно уменьшилась, когда произошла деэскалация конфликта. Многие анархисты поверили либеральной концепции победы над диктатурой. В свете этого отсутствие желания лезть на баррикады было понятно — многие считали, что даже без участия анархистов Лукашенко уже не выстоит.

В очередной раз была допущена ошибка, которая по факту стоила анархистам всего движения: сейчас за решеткой находится как минимум 10 анархистов и 5 антифашистов. Много товарищей покинуло Беларусь в поисках безопасной гавани для дальнейшей политической работы. Часть прошла через пытки и избиения. По сути беларуское анархическое движение было разгромлено репрессиями. В стране остались небольшие группы, которые продолжают организацию против диктатуры, но уровень давления со стороны государства не позволяет заниматься даже базовой агитацией. Имена многих активистов известны и в случае проведения анархических акций к известным активистам придут довольно быстро.

Структуры солидарности анархистов продолжают действовать: АЧК-Беларусь занимается поддержкой заключенных, репрессированных и их семей.

На текущем этапе оставшиеся активисты скорее пытаются выжить в обстановке репрессий, нежели заниматься полноценной

политической борьбой. Перспективы анархического движения туманны и сложно представить дальнейшее существование анархистов в текущих условиях. Высокий интерес к активистам со стороны ГУБОПиКа и КГБ лишь усложняет любой контакт с людьми со стороны, которые опасаются дополнительных проблем из-за связей с анархистами. И хотя информационные проекты типа Промня продолжают интересовать некоторую часть беларуского общества, этот интерес продолжает падать.

Лукашенко, Путин и ЕС

Отношения одного диктатора к другому всегда были сложными. После отмены санкций в 2015 году Лукашенко постепенно отдалялся от Путина. В его речах все чаще упоминалась независимая Беларусь. Путин по факту презирает Лукашенко и отлично понимает, что его используют в политических играх. За поддержку России беларуский режим должен платить политической и экономической интеграцией. Лукашенко насколько может сопротивляется этии процессам, так как отлично понимает, что рано или поздно интеграция закончится потерей власти.

Потепление отношений с ЕС предоставило диктатору возможность ограничить политическое влияния Путина. Кредиты от западных «партнеров» и контракты с крупными фирмами потенциально могли снизить зависимость режима Лукашенко от России. Способствовало и то, что ЕС перестал оказывать давление на политический процесс внутри страны. Для многих европейских политиков стабильный авторитаризм Лукашенко выглядел привлекательнее чем, чем риски повторение украинского сценария с антиправительственными протестами и последующим вторжением Путина.

До августа 2020 года Лукашенко придерживался довольно агрессивной риторики в отношении России. Скандал с солдатами Вагнера, пытавшимися организовать военный переворот в РБ демонстрирует желание Лукашенко переложить ответственность за любую политическую нестабильность в стране на плечи Путина — традиционно до этого в предвыборных кампаниях эта роль отводилась ЕС и США. Сам диктатор скорее всего рассчитывал на небольшие протесты, после которых можно было бы вернуться за стол переговоров с европейскими политиками.

Жестокие разгоны протестов 9-11 августа, активное сопротивление населения в различных городах очень сильно поменяли расстановку сил. Либеральный Запад не мог терпеть такого беспредела, так как это могло плохо отразиться на рейтингах правя-

щих политических партий. Но даже в свете убийств протестующих в первые недели реакция Запада на происходящее в Беларуси была довольно сдержанной. Факты пыток, изнасилований и убийств продолжали давить на политические элиты, которые в конце концов начали высказываться в поддержку протестующих и с осуждением действий Лукашенко. Для европейских политиков это значило окончание «сотрудничества» между Лукашенко и ЕС и риск очередного сближения России и Беларуси.

Что касается Путина, то его реакция на протесты в Беларуси в первые недели тоже была крайне сдержанной. В первое время было непонятно, кто победит во всей этой истории, и для России критическая поддержка Лукашенко в случае его поражения значила бы рост антироссийских настроений в беларуском обществе. Попытки представить протестующих беларусов в качестве фашистов не получили продолжения.

Для Путина история с Донбассом хоть и смогла увеличить на какое-то время его популярность, но в долгосрочной перспективе оказалась провальной операцией, стоившей слишком много политических очков. Операция России в Сирии хоть и важна геополитически, но Ассад продолжает оставаться крайне нестабильным в общих договоренностях.

В такой ситуации любая агрессия в отношении Беларуси со стороны РФ стоила бы в очередной раз огромного политического капитала.

Когда российским политологам стало более или менее понятно, что Лукашенко берет ситуацию под контроль, начались личные встречи двух диктаторов. Потекли очередные кредиты, большая часть которых направлена на оплату уже существующих долгов режима.

Сейчас баланс сил для Лукашенко очень сильно поменялся. Если еще в 2019 он мог балансировать между Западом и Востоком, то сейчас у него нет другого выбора, кроме как работать с Путиным.

Презрительные отношение российского императора к беларускому картофельному барону остается на поверхности. Многие аналитики отмечают, что цель России на данном этапе — продолжение проектов по интеграции. Новая конституция может стать основой именно для этого.

Сложно предугадать отношения между Путиным и Лукашенко, так как большинство договоренностей происходят за закрытыми дверями. Но любому человеку понятно, что Путин не даст кредитов за улыбку и дружбу. И хотя Лукашенко не называет цену поддержки со стороны Владимира Владимировича, для всех понятно, что откупиться арбузами и картошкой со своего огорода не получится.

Технологический режим Александра Григорьевича Лукашенко

Многие ошибочно полагают, что беларуский режим во главе с бывшим председателем совхоза — это такая группа бывших совковых функционеров, которые умеют только ментов с дубинками натравить на своих противников, чтобы заставить их исчезнуть.

Данное представление крайне ошибочно: сегодня Беларусь является относительно продвинутой технологической страной. Многочисленные частные айти-компании предоставляют услуги разработки ряду крупных западных фирм, в том числе Microsoft, Google и многим другим. В рамках госаппарата с технологиями активно работает Оперативно-аналитический центр при президенте РБ, в котором сидят люди, понимающие в технологиях чуть больше самого Лукашенко.

Беларуские карательные органы постоянно ездят на выставки, проводимые частными фирмами для силовиков различных стран по продаже частного оборудования как для слежки, так и для репрессий гражданского населения. К примеру итальянская Hacking Team во внутренних документах еще с 2015 года отмечает, что их сервис взлома для государственных игроков заинтересовал «клиентов» в Беларуси. Это значит, что там, где беларуское государство не может технологически репрессировать своих граждан, им в этом могут помочь частные фирмы.

К протестам 2020 года лукашенковский режим подготовился, как следует. На вооружение были закуплены канадские водометы, чешский слезоточивый газ, щиты с электорошоком и многие другие технологические новшества на рынке контроля толпы.

Режим уже несколько лет сотрудничает с частной беларуской компанией Synesis, которая разрабатывает технологии распознавания лиц — уже спустя несколько дней после начала протестов стало известно, что карательные органы используют

системы автоматического распознавания лиц для определения участников протестов и поиска активистов. Распечатки из системы Синезиса использовались во время судов над некоторыми протестующими — в административном деле висела их фотография и профиль из программы.

Для ограничения доступа к интернету использовалось оборудование американской фирмы Sandvine Inc. Для взлома мобильных устройств — оборудование израильской Celebrite. Была информациях об экспертах из Китая, которые приезжали для оказания поддержки беларускому режиму в вопросах цензуры и отслеживания активности в сети.

Для взлома телеграм-аккаунтов режим активно использовал клонирование сим-карт. Баг деанонимизации, присутствующий в телеграме, позволял создавать списки участников тех или иных телеграм-чатов, а в последствии связывать некоторые комментарии с определенными людьми и заводить против них уголовные дела.

Аналитики данных внутри ГУБОПиКа и КГБ связывали загруженные картинки/видео с отдельными айпи-адресами и таким образом выходили на активистов дворовых инициатив.

В рамках протестного движения беларуское общество впервые столкнулось с хитрым и образованным противником. И разговор идет не про Лукашенко и его сыновей. На режим работает огромное количество людей, сделавших выбор в пользу собственного комфорта и службы диктатуре. Эти люди питаются не идеологической любовью к Лукашенко, а деньгами, и готовы выполнить любую техническую задачу без размышлений о моральных последствиях такого выбора.

Мы увидели, что многочисленные технологические решения на западном рынке очень быстро становятся доступны авторитарным режимам. Такие технологии, как автоматическое распознавание лиц, сыграли крайне важную роль в борьбе с демократи-

ческим движениеи и стабилизации диктатуры. Рост рынка слежки и контроля лишь будет усложнять любые попытки освобождения.

Ненасилие и бездействие

До июня 2020 года протесты в Беларуси носили в основном ненасильственный характер. За исключением анархистов к силовому сопротивлению репрессиям не призывал никто. Однако летом данная ситуация меняется крайне стремительно. Первые стычки с беларускими ментами происходят в небольших городах. Основой становятся попытки точечных задержаний и освобождения задержанных. Данные действия носят спонтанный характер и крайне эффективны — беларуский режим не привык получать отпор от населения и любое сопротивление вызывает в первые недели недоумение со стороны карателей.

Нападение на ОМОН в Минске в июле становится переломным моментом для многих участников протестов. Оказалось, что тот самый непобедимый отряд милиции особого назначения очень быстро ломается в конфликтной ситуации. На протяжении поколений беларуские ОМОНовцы пытались создать образ воина, способного работать в самых сложных ситуациях и останавливать беспорядки. Однако многочисленные тренировки никак не помогли молодым лукашистам с отбитыми головами противостоять протестующим на улицах. Бегство ОМОНа изменило силовой баланс на улицах — беларусы поняли, что они могут вполне успешно противостоять карательным органам.

После этих столкновений было много небольших митингов и маршей. Многие группы и простые граждане готовились к основному событию — дню выборов. И хотя некоторые все еще испытывали надежду на мирное разрешение конфликта с диктатурой, большинство людей в день выборов неоднократно давали отпор ментам по всей стране. В некоторых местах население смогло полностью освободиться от диктатуры на одну ночь. В Минске и других крупных городах каратели хоть и смогли «зачистить» улицы к утру, но остановить движение они не смогли. Последующие вечерне-ночные протесты показали эффективность активного сопротивления и децентрализации.

Подрыв авторитета МВД продолжал нарастать.

В отчаянных попытках предотвратить протесты каратели стали задерживать всех, кто походил на протестующих. Днем менты в автозаках, автобусах и скорых пытались оказать хоть какое-то давление. Случайные задержания повышали количество людей затронутых политическими репрессиями в стране. К примеру, такого рода тактика привела к задержанию многих рабочих, возвращающихся с вечерних/ночных смен. Это в свою очередь увеличило уровень конфронтации на заводах и стало одним из катализаторов забастовочного движения в стране.

Для некоторых участников протестов из либерального лагеря уровень конфронтации был слишком высоким. Насилие со стороны карательных органов всего за несколько дней привело к смерти нескольких протестующих, сотням раненных и пыткам тысяч в застенках РУВД, ИВС и СИЗО. Для относительно мирного населения страны такая тактика карателей стала неожиданностью.

В ответ на насилие на четвертый день протестов после выборов начались мирные марши: сотни в основном женщин в белом с красными цветами собирались в центре Минска с требованиями прекращения ментовского беспредела, освобождения всех заключенных и свободы собраний. Репрессии в отношении женских маршей в первое время не использовались.

Пацифизм был поднят на щит многих либеральных информационных площадок. Прекращение насилия стало главной повесткой протестов на данном этапе. В первое воскресенье после выборов на улицы городов по всей стране вышли сотни тысяч человек. Такого не происходило в Беларуси еще ни разу. В этот день казалось, что диктатура проиграла и мы наконец сможем вдохнуть свободно.

Как уже писалось, либеральная часть протеста восприняла этот день именно как начало конца Лукашенко. После такой крупной

демонстрации диктатор должен был уйти наверняка. Но отсутствие целей стало проблемой, которую так и не смогли разрешить участники протестов. Лишь в нескольких случаях демонстрантам удалось освободить заключенных походами к изоляторам (в Минске такой поход нескольких тысяч привел к конфликту с волонтерами, вставшими дополнительной линией защиты от протестующих вокруг ИВСа и ЦИПа — причиной такого поведения стали договоренности между волонтерами и администрацией карательных учреждений, которые по мнению волонтеров могли быть расторгнуты в случае попыток давления). Сами демонстрации из акций протеста часто превращались в массовые собрания ради собраний.

Попытки ряда телеграм-каналов задать цель на тот или иной день протеста во многом проваливались — лишь незначительная часть демонстрантов была готова активно что-то делать. И в данном случае разговор идет не про прямые столкновения с ОМОНом, а различные формы ненасильственного сопротивления.

Очень быстро мирные протесты превратились в догму, а любого рода активные действия воспринимались как провокации. За короткое время беларуские протесты от столкновений с властями перешли к полной пассивности. Даже попытки перекрытия дорог с помощью цепей солидарности многими начали восприниматься как провокации, а стояние на красном светофоре многотысячной демонстрации - как пример высокой культуры протеста и порядка внутри беларуского общества.

Подобного рода деэскалация без давления на режим создала возможность для карательных органов разработать новую стратегию по подавлению протеста. И пока в информационной среде преобладала повестка «свержение диктатуры — не спринт, а марафон», относительное спокойствие на улицах столицы позволило карателям применить стратегию пошаговых репрессий, о которых мы уже говорили.

Мирные протестующие в Минске опомнились слишком поздно — к тому моменту движение уже было разгромлено в

остальных частях страны. Попытки нарастить градус протеста спустя несколько месяцев воскресных маршей не привели к каким-то серьезным результатам — многие активисты, готовые к эскалации конфликта, уже находились в тюрьме либо за границей. Тактика освобождения заключенных и нападения на отряды карателей, осмелевших войти в толпу демонстрантов, продолжалась еще несколько недель, но она была направлена в первую очередь на оборону демонстраций, у которых по-прежнему не было никаких целей.

Стоит не забывать, что помимо крупных демонстраций во многих городах продолжались одиночные акции саботажа: блокирование Ж/Д путей, уничтожение техники противника и так далее. Однако такой формат не смог достичь критической массы для серьезного урона режиму.

Информационная повестка в пользу мирных протестов очень сильно ударила по ресурсам движения. И хотя за счет деэскалации к восстанию против Лукашенко смогли присоединиться сотни тысяч человек по всей стране, разделение между радикальным и мирным лагерем сыграло в первую очередь на руку диктатуре. Беларуское общество оказалось в ситуации, известной многим западным протестующим, когда радикальные пацифисты пытаются исключать сторонников прямого действия из движения и таким образом лишь помогают противнику.

Во многом повестка мирных протестов делалась и на улице. Люди, вышедшие уже после радикальных демонстрации первых дней, хотели остановки насилия и видели в любых действиях возможную провокацию со стороны режима для очередной волны репрессий. Такой подход полностью противоречит логике — ослабевший в августе 2020 режим Лукашенко был не готов провоцировать людей на насилие и дальнейшую эскалацию конфликта, так как подобная стратегия дестабилизировала бы ситуацию. В таком случае восстановить контроль над ситуацией было бы крайне сложно. Это режим понял еще после первых дней после выборов.

Анархисты и другие радикальные группы в свою очередь не должны опасаться дестабилизации протеста в случае столкновений с ОМОНом и другими организованными группами карателей. Очевидно, что чем больше активного сопротивления происходит на улицах, тем выше вероятность ошибок и краха режима. Активные действия должны предприниматься, даже если мирное большинство выступает против подобного рода действий. Либеральная информационная повестка может представить такие действия в качестве провокаций, однако не стоит забывать, что наша цель в протестах — не поддержка либерального лагеря, а свержение диктатуры, хотя работа с либеральными союзниками всегда важна.

Выводы

Месяцы протестов полностью разрушили иллюзию демократической оппозиции об одном крупном марше, который изменит все. Простые хождения по улицам страны без целей и задач не способны нанести урон режиму. Лишь синтез различных тактик: от мирных демонстраций до открытых столкновений с режимом и захватом стратегических точек может привести к его уничтожению. При этом каждое звено нашего восстания должно действовать на принципах солидарности с остальным движением. Нападки со стороны мирного лагеря в сторону так называемых радикалов, как и осуждения мирных со стороны более активного населения должны прекратиться. Лишь вместе мы будем способны создать силу, способную уничтожить Лукашенко и его окружение. При этом стоит понимать, что мирные протесты могут включать в себя также активное сопротивление: перекрытие дорог, пикеты и акции в различных стратегических пунктах, забастовки и так далее — все это подтачивает режим и создает дополнительное давление. Радикальные действия не ограничиваются защитой демонстрации или забрасыванием карателей камнями. Структура государственной власти куда более сложная, нежели кордоны ОМОНа, поэтому нападения на эти структуры может происходить не только в рамках крупных демонстраций.

Для организации протестов стоит рассчитывать не только на крупные телеграм-каналы: женские марши в первое время организовывались без крупной поддержки, но благодаря хорошему формату стали популярны среди тысяч участников протестов. Анархисты и антифашисты также должны пытаться организовываться не только в рамках собственного небольшого круга активистов, но и выходить за рамки комфорта и разрабатывать протестные стратегии в соответствии с нашими принципами, идеалами и опытом участия в крупных протестах.

Восстание показало эффективность децентрализованного протеста. Именно благодаря организационным усилиям во многих

регионах мы смогли подойти так близко к уничтожению диктатуры. Традиционные централизованные протесты в столице куда проще изолировать и потушить, нежели многочисленные пункты сопротивления по всей стране. Нам необходимо продолжить искать союзников в небольших городах, готовых не только оттянуть силы противника, но и в случае необходимости захватывать власть в городах и освобождать полностью регионы от диктатора как партизанскими методами, так и гражданским неповиновением.

Эффективность и важность децентрализации открыли для многих беларусов анархизм — не как хаос и беспорядок на улицах, а организованное движение с политическими целями, которое стало полноценной альтернативой государственной централизации. И хотя идеи антикапитализма по-прежнему остаются чуждыми в беларуском обществе, сопротивление централизации, а также модели распределения власти от государства в пользу общества вызывают живой интерес. В случае победы над Лукашенко, у нас нет иллюзий о возможности создания анархической республики или федерации на территории режима, но влияние анархистов на либеральные круги и общество может привести к важному и быстрому разрушению централизации государственного аппарата.

На протяжении многих поколений в умах людей существовал некий стереотип мирного беларуса, способного приспособиться к любой ситуации и несправедливосте. Этот стереотип взращивала как беларуская диктатура, так и многие оппозиционные политики, которые стремились к «мирному» свержению диктатуры. Анекдоты про терпил-беларусов расходились по всей Восточной Европе.

Но мы смогли коллективно преодолеть этот стереотип и показать всему миру, что народ в Беларуси жаждет свободы не меньше других. И мы готовы к решительным действиям для завоевания свободы. Восстание 2020 года сломало образ покорного раба, который готов проглотить любое издевательство и унижение. Рост общественной силы стал важным фактором на нашем пути к

освобождению. Да, мы не смогли свергнуть Лукашенко летом 2020-го, но война против диктатуры не проиграна. Впереди долгие месяцы осознания собственной силы, продолжения организации и новых восстаний за свободную Беларусь.

Оставим пессимизм до лучших времен, а сейчас вернемся к организационной работе и подготовке новых попыток свержения Лукашенко. Диктатура падет, и мы сделаем все, что в наших силах, чтобы при падении сломать ей ноги и стать, наконец, свободными!

Текст брошюры, а также ее печатный вариант доступны на сайте коллектива по адресу https://pramen.io.

Тираж 1312 копий. Минск 2021

ПРАМЕНЬ